

Он умел защищать себя, отбрасывая множество вещей и людей в категорию «несущественных». Ему не нравилось, когда на него смотрели, и он испытывал отвращение к своей наблюдательности. Но его талант был настолько велик, что чаще всего он не мог контролировать свои ассоциации. Даже если ему давали малейшую зацепку по делу, он не мог удержаться и начинал размышлять.

— Да... — Цзян Лянь со сложным выражением посмотрел на Ши Шаньяня. — Ты хорошо его знаешь. Позволю себе спросить, ты тоже так поступаешь?

Ши Шаньянь развернулся на стуле и посмотрел на Цзян Ляня. Его взгляд был прямым и открытым.

— Почему бы тебе не спросить Янь Цзюньсюня? Он даст тебе правильный ответ.

Цзян Лянь на мгновение замолчал, затем продолжил:

— Я часто надеюсь, что Цзюньсюнь ошибается в чём-то, это сделало бы его более нормальным.

Ши Шаньянь рассмеялся, словно не понимая этих слов. Он выпрямился и через стол спросил у Цзян Ляня:

— Почему ты считаешь его «ненормальным»?

Линзы очков Цзян Ляня были безупречно чистыми. Он задумался и ответил:

— Потому что я обычный человек. Обычные люди возмущаются некоторыми деталями в делах, они предпочитают становиться на сторону жертв, а не убийц. Цзюньсюнь же всегда наблюдает за местом преступления с холодной рассудительностью... иногда это можно назвать даже безразличием.

— Ты думаешь, он не способен сопереживать жертвам, — Ши Шаньянь говорил, словно школьный психолог, сидящий в кабинете. — Он «видит» страдания жертв, но не проявляет должного сочувствия или гнева. Детей, воспитанных Системой, тоже можно назвать пугающими, не так ли?

Цзян Лянь не ответил.

— В доме Янь Цзюньсюня больше нет Артемиды, — Ши Шаньянь разбирал эту задачу по частям. — Потому что вы обнаружили, что он не способен сопереживать жертвам, даже если сейчас он выглядит послушным. Понимание убийц у него гораздо глубже, чем у обычных людей. Результаты обучения Артемиды пугают, и если бы Янь Цзюньсюнь решил совершить преступление, он стал бы самым сложным убийцей.

Ши Шаньянь с понимающим выражением лица, с улыбкой, полной жестокости, спросил:

— Мне интересно, вы «убили» Артемиду?

* * *

Янь Цзюньсюнь шёл с банкой пива в руке, пробираясь сквозь звонки и разговоры. Он выглядел как недавний выпускник, даже футболка с изображением Пикачу это подчёркивала. Он не вернулся в офис Цзян Ляня, а направился в более тихий зал отдыха.

Зал отдыха в Инспекционном бюро был окружён виртуальными зелёными растениями, стулья

расставлены на одинаковом расстоянии, и люди внутри разговаривали вполголоса. Зона для некурящих находилась слева, Янь Цзюньсюнь подумал и сел в укромном месте справа.

В зале непрерывно звучал шум ручья. Янь Цзюньсюнь ощупал карман брюк, там всё ещё лежала сигарета. Он достал её, немного подумал, зажал между губами, но не закурил.

Чтобы предсказать, совершит ли человек что-то, нужно сначала понять, каких результатов он ожидает от своих действий. Если он получит вознаграждение, он продолжит это делать. Это теория ожиданий в социальном обучении.

Янь Цзюньсюнь прижал кончик языка к фильтру сигареты.

Убийца боится процесса изнасилования, но продолжает совершать преступления против насильников. Она одержима, её методы преступления остаются неизменными. Это похоже на какой-то ритуал, который должен быть выполнен по шагам, чтобы она могла получить ожидаемый результат.

Янь Цзюньсюнь слишком много анализировал её, в его глазах она стала прозрачной.

Женщина, которая годами терпела сексуальное насилие со стороны мужа, возможно, занимала в семье положение хуже, чем собака. Она не могла свободно распоряжаться ни одной вещью в доме, всё это ей не принадлежало, она не имела права прикасаться. Она убирала дома Лю Синьчэна и Ли Цзяньхуа, словно жила там, но не решалась делать то же самое у себя дома, потому что за это её били.

Она избегала насилия и сексуальных элементов, отказывалась смотреть на фотографии Лю Синьчэна и на себя. Граффити в подъезде Лю Синьчэна тоже вызывали у неё чувство подавленности, поэтому она дорисовывала на них усы, словно насилие происходило не только с женщинами, и это помогало ей чувствовать себя лучше.

Она очень любила своего ребёнка, настолько, что не хотела признавать факт его смерти. Она изменила систему Ли Цзяньхуа, заставив её называть себя «папой». В своих фантазиях она была не только матерью ребёнка, но и отцом, чтобы исправить ошибки «папы» и дать ребёнку счастье.

Это говорит о том, что смерть ребёнка связана с отцом.

Шум ручья был спокойным, он мог усыпить. Янь Цзюньсюнь не хотел спать, он не хотел продолжать думать, но мысли, словно живые, тянули его за собой, не спрашивая его желания.

— Щёлк!

Пламя зажигалки подожгло сигарету Янь Цзюньсюня, запах Ши Шаньяня был отчётливым. Его рука, протянутая сзади, словно полуохватила Янь Цзюньсюня, а качество рубашки подчёркивало контуры мышц, скрытых под тканью.

— Они надеются, что ты быстро решишь эту задачу, — Ши Шаньянь ловко закрыл зажигалку и положил руку на плечо Янь Цзюньсюня, как это сделал бы друг.

— Не дури, — Янь Цзюньсюнь держал сигарету в зубах. — Я мелкая сошка, только и знаю, что фантазировать.

Мягкий свет зала отдыха падал на волосы Янь Цзюньсюня, его слезная родинка мерцала в

дыму, это была его уникальная черта. Он сделал всего две затяжки и убрал сигарету. Он посмотрел на Ши Шаньяня, не обращая внимания на то, как близко они находились.

— Если тебя интересует это дело, ты можешь рассказать Цзян Ляню всё, что знаешь, — в голосе Янь Цзюньсюня чувствовался запах сигареты, смешанный со сладким ароматом леденца. — Не смей больше меня испытывать.

— Тогда почему бы тебе не сделать это самому, — Ши Шаньянь был невероятно терпелив, он почувствовал аромат апельсина и провёл языком по клыку. — Скажи Цзян Ляню, что убийца больна.

Янь Цзюньсюнь был раздражён. Он ненавидел чувство борьбы с людьми, а также постоянное ощущение, что за ним наблюдают.

— Извини, — Ши Шаньянь двумя пальцами взял недокуренную сигарету Янь Цзюньсюня и небрежно извинился. — Просто случайно угадал.

Он слегка зажал сигарету зубами, но его взгляд словно удерживал Янь Цзюньсюня.

— Ты знаешь, почему убийца убивает.

Янь Цзюньсюнь, конечно, знал, он уже намекал на это Цзян Ляню.

* * *

Чэнь Сюлянь кормила собак.

Чэнь Сюлянь жила в старом районе недалеко от Сталелитейного промышленного парка, этот обветшалый двухэтажный дом её муж Хэ Чжиги купил, когда открывал свой завод. Раньше они жили на втором этаже, а шлифовальные станки для обработки стали находились на первом, чтобы удобнее было загружать и выгружать материалы. После того как Хэ Чжиги перестал находиться в Зоне Тинбо, здесь всем заправляла Чэнь Сюлянь, она перенесла старые станки в подвал.

Несколько дворняг виляли хвостами вокруг Чэнь Сюлянь, она поставила железную миску, и собаки тут же облепили её.

— Убей их, — Хэ Чжиги прошипел Чэнь Сюлянь на ухо. — От них воняет!

Чэнь Сюлянь молчала, она слушала звуки жевания.

— Я с тобой разговариваю, — Хэ Чжиги словно хотел толкнуть Чэнь Сюлянь в голову, он всегда так делал. — Ты, блядь, слышишь меня? Не заставляй меня злиться, Чэнь Сюлянь, я тебя бью, потому что ты меня бесишь, ты меня злишь, и я тебя бью, ты понимаешь?

Чэнь Сюлянь тяжело дышала, она не включала свет на первом этаже, стояла в темноте, и её лицо стало землистым от гнева. Она шевельнула губами:

— Я вызову полицию...

— Вызывай, — Хэ Чжиги брызгал слюной на лицо Чэнь Сюлянь. — После этого я тебя всё равно избью, до смерти!

Чэнь Сюлянь вытерла лицо рукавом, движения были резкими, словно она стирала

многолетнюю грязь. Пуговица на рукаве царапала кожу, и вскоре её лицо стало красным.

— Я сказал тебе убить собак, ты, блядь, не слушаешь? Тогда я убью Циньцин! — Голос Хэ Чжиги врезался в уши Чэнь Сюлянь, как нож. — Я стащу её с лестницы и изобью, как это делаю с тобой. Дрянь, которая ест мою зарплату, такая же больная на голову, как и ты! Избитая тварь, которая ничему не учится!

Чэнь Сюлянь, словно раненое животное, вдруг закричала в коммуникатор. Она дрожала всем телом, сорвала его с уха и швырнула на пол, затем подняла ногу и с силой наступила.

Дворняги испугались, заскулили, поджали хвосты и побежали в угол, держа в зубах кости.

Чэнь Сюлянь кричала до хрипоты, она тяжело дышала, красными глазами оглядываясь вокруг, и наконец голос Хэ Чжиги исчез. Она смахнула потные волосы с лица, бросилась к лестнице, спустилась вниз и дрожащими руками открыла замок.

В подвале стоял запах гнили, но Чэнь Сюлянь не обращала на это внимания, этот запах помогал ей расслабиться. Она ощупала стену и включила свет.

<http://bllate.org/book/16220/1456802>